Право международных договоров

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕСЕНИЯ НА РАТИФИКАЦИЮ МНОГОСТОРОННИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

В.К. Собакин*

Настоящая статья посвящена сугубо практическому вопросу об особенностях процесса ратификации Россией договорных актов Совета Европы при соблюдении норм как российского, так и международного права в конкретных условиях взаимоотношений России и Совета Европы[1]. Предлагаемые решения имеют в виду только эти условия и вряд ли применимы к отношениям Совета Европы с другими странами или к процессу ратификации других многосторонних договоров РФ. Статья подготовлена до внесения договорных актов Совета Европы на ратификацию в Государственную Думу и, следовательно, не могла учесть материалов обсуждения этого вопроса в парламенте России.

Согласно принятой в 1995 году Директиве Парламентской ассамблеи Совета Европы № 508, государства, ставшие членами Совета после мая 1989 года, помимо обязательств по Уставу Совета «свободно принимают на себя в ходе рассмотрения Ассамблеей их заявки на вступление в Совет особые обязательства по вопросам, касающимся основных принципов Совета Европы. На главные из этих обязательств специально указывается в соответствующих заключениях, принимаемых Ассамблеей».

Комитет министров Совета Европы принял решение о приглашении России «**в свете принятых обязательств и заверений относительно их выполнения, данных российскими властями** в ходе контактов как с Комитетом министров, так и с Парламентской ассамблеей Совета Европы». В пп. 7 и 10 Заключения № 193 (1996) Парламентской ассамблеи перечисляются конкретные заверения и обязательства России и указывается, что «**Российская Федерация полностью разделяет ее (Ассамблеи) видение и толкование принимаемых на себя обязательств**». Законодательно оформленное

---

* Профессор, доктор юридических наук (подробнее об авторе см. в нашем журнале № 3 за 1992 г.).

принятие Российской Федерацией приглашения Совета Европы, сделанного на определенных условиях, означает, что эти условия являются именно обязательствами, а не рекомендациями, как это иногда утверждается.

Согласно ст. 8 Устава Совета Европы, Комитет министров может предложить члену Совета, грубо нарушающему его принципы и обязательство сотрудничать во имя достижения целей Совета, выйти из состава Совета. Если такой член Совета не выполняет это предложение, Комитет министров может принять решение о том, что данное государство перестает состоять в Совете.

Российская Федерация, в частности, взяла на себя обязательство до конца февраля 1996 года ратифицировать ряд конвенций Совета Европы. В их число входит и Хартия региональных языков и языков меньшинств 1992 года (см. пп. V п. 10 Заключения № 193 (1996) Парламентской ассамблеи Совета Европы). Но ее нет в списке конвенций, внесение которых на ра.ификацию предусматривается Распоряжением Президента РФ от 13 февраля 1996 г. В этой связи депутаты Думы, очевидно, должны решить, готовы ли они отступить от принятого с их согласия обязательства или в соответствии со ст. 104 Конституции РФ и ч. 5 ст. 16 Закона о международных договорах РФ они сами внесут законопроект о ратификации и этой Хартии.

После вступления в силу Конституции РФ 1993 года значимость ратификации резко возросла, так как с этого момента она стала уже не только формой выражения согласия РФ на обязательность для нее международного договора, но и формой включения в ее внутреннюю правовую систему новой составной части (см. ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), имеющей весьма специфический характер.

В отличие от вступивших в силу законов РФ, внесение поправок в отдельные статьи которых вполне допустимо и широко практикуется, содержание этой однажды вступившей в силу части российской правовой системы российская же законодательная власть одним своим решением изменить уже не может.

Это придает особую остроту вопросу о ратификации актов Совета Европы, поскольку они имеют еще одну особенность: практически все они посвящены определению и защите прав человека, то есть, в отличие от большинства других международных договоров РФ, являются обязательствами властей России не только перед другими государствами, но и перед собственными гражданами и будут регулировать отношения граждан РФ с органами власти России, причем возникающие между ними спорные вопросы в ряде случаев могут стать предметом рассмотрения не только в российских судах, но и в международном суде, решения которого подлежат обязательному исполнению.

Все это требует предельной тщательности в прогнозировании и учете как немедленных, так и отдаленных последствий договора и определения на этой основе целесообразности самой его ратификации или заявления оговорок, которые могут в определенной мере изменить положения договора в их применении Россией. При этом следует иметь в виду, что после ратификации оговорки делаться уже не могут (см. ст. 19 Венской конвенции о праве международных договоров).

Высокая ответственность каждого этапа процесса ратификации предполагает прежде всего, что с самого его начала Государственная Дума должна иметь в своем распоряжении полный комплект авторитетных документов, позволяющих компетентно судить о целесообразности ратификации договора, необходимости оговорок к нему, воздействии его на внутреннее законодательство России и т.д. Однако, как бы это ни показалось странным, Закон о международных договорах РФ не содержит норм по этому вопросу. Он определяет состав лишь того комплекта документов, который прилагается к предложениям о ратификации, направляемым Президенту или Правительству России (см. ст. 10, пп. 2 и 4 ст. 16 Закона). В этот комплект не включен проект закона о ратификации, без которого вопрос о ратификации вообще не может быть принят Думой к рассмотрению, как, впрочем, и без других документов, прилагаемых к предложению о ратификации (см. ст. 96—99 Регламента Государственной Думы). Соответствующие нормы должны быть включены в Закон о международных договорах, поскольку наличия схожих положений в Регламенте Госдумы совершенно недостаточно, ибо Регламент регулирует только внутреннюю деятельность Думы и, кроме того, он не касается специфики процесса ратификации договора по сравнению с процессом принятия законов.

Для принятия решения о ратификации договора и последующего его применения необходимо, чтобы:

— текст вносимого на ратификацию международного договора был доступен не только физически, но и лингвистически всем лицам, уполномоченным принимать решение о его ратификации, а после вступления договора в силу — всем государственным органам Российской Федерации, а также всем ее гражданам;

— характер текста международного договора, вступившего в силу для Российской Федерации, был столь же официален, сколь официален характер текста российского закона.

Это требует внесения на ратификацию текста договора на русском языке (что, разумеется, отнюдь не исключает одновременного внесения аутентичных текстов договора на других языках). Подобное требование прямо вытекает из ч. 1 ст. 68 Конституции РФ,

объявляющей русский язык государственным языком РФ, а также из ст. 49 Регламента Государственной Думы и ст. 57 Регламента Совета Федерации, устанавливающих, что работа парламента России ведется на русском языке.

Венская конвенция о праве международных договоров оперирует только терминами «аутентичный» (ст. 10, 33, 79) и «подлинный» (ст. 77) текст, а также «заверенная копия» (ст. 77, 79). Содержание и правовое значение этих терминов раскрываются в самой конвенции. Закон о международных договорах РФ фактически заменяет термин «аутентичный текст» терминами «официальный текст» (ч. 4 ст. 16 и ч. 3 ст. 36)[2] и «официальный перевод» (ст. 28). При этом не дается ни определения этих терминов, ни указаний на отличия их содержания от общепринятой международной терминологии.

Эта терминологическая разноголосица сравнительно просто преодолевается, когда речь идет о международном договоре РФ, одним из аутентичных текстов которого является русский. Именно он может сыграть роль «официального текста», упоминаемого в ч. 4 ст. 16 Закона о международных договорах, поскольку он утвержден на международном уровне и в то же время изложен на государственном языке РФ. Кроме того, совершенно ясно, что в этом случае заверение копии договора — это лишь официальное удостоверение фотографически точного воспроизведения аутентичного текста. Если же в процессе ратификации обнаружится расхождение русского с другими аутентичными текстами, то оно может быть устранено только поправкой к русскому или другим текстам договора, вносимой в порядке, предусмотренном ст. 39—41 Венской конвенции о праве международных договоров или, если это возможно, толкованием соответствующих текстов в порядке, предусмотренном ст. 31—33 той же конвенции.

Но дело обстоит гораздо сложнее, когда речь заходит о **ратификации договоров, не имеющих русского аутентичного текста,** как, например, все договорные акты Совета Европы. Но и в этом случае Закон требует внесения на ратификацию заверенной копии не официального **перевода,** а официального **текста** договора.

Различие же между «текстом» и «переводом» договора не является юридически бессодержательным[3]. Принимая во внимание положения ст. 9, 10 и 33 Венской конвенции о праве международных договоров, следует признать, что **текст** договора — это текст на одном или нескольких языках, признанный окончательным всеми участниками составления договора или надлежащим большинством голосов международной конференции или организации. Текст договора на каждом языке **не рассматривается как перевод** с другого; все они имеют одинаковую силу (если иное не установлено в самом договоре), и лишь они принимаются во внимание при толко-

вании договоров. **Переводы** же — это изложение договора, за соответствие которого подлиннику отвечает только тот, кто выполнил перевод, и который ни в коей мере не обязывает участников договора, к переводу не причастных. Кроме того, как показывает практика, переводы имеют различные версии на одном и том же языке (например, существуют и опубликованы по крайней мере два варианта перевода на русский язык Устава Совета Европы и три — Европейской конвенции о защите прав человека). Более того, даже изданные самим Советом Европы, но в разное время, переводы иногда существенно отличаются друг от друга, как это имеет место, например, в случае с изданными Советом Европы в 1990 и 1995 годах переводами на русский язык Европейской хартии местного самоуправления.

Еще больше сумятицы в эту путаницу вносит осуществленная в 1996 году по поручению Политического департамента и Директората по правам человека Совета Европы публикация Центра информации и документации Совета Европы в РФ, в которой утверждается, что официальным переводом на русский язык Европейской конвенции о защите прав человека будет считаться лишь текст, прошедший ратификацию. Если согласиться с этим тезисом, то согласно Закону о международных договорах в Думу могут быть внесены только английский и французский тексты. А это в соответствии с Регламентами палат парламента РФ исключит возможность даже включения вопроса о ратификации в повестку дня палат. Ситуация в результате приобретает совершенно абсурдный характер.

Но если учесть, что Закон о международных договорах не уточняет, кто именно и в какой именно форме придает вносимому в **Думу** документу характер официального текста, то допустимо толкование, согласно которому таким текстом на этой стадии можно считать русский перевод договора, который является официальным лишь для **органа, представляющего предложение о его внесении на ратификацию** (см. ч. 2 ст. 16 Закона о международных договорах). В этом случае заверение копии текста призвано гарантировать полное или максимально возможное совпадение смысла русского текста с аутентичными текстами на других языках. Если учесть, что данный текст, к тому же, предназначен в конечном счете стать частью правовой системы РФ и ее международных обязательств, то правомочие на заверение, очевидно, может предоставляться лишь высшим должностным лицам этого государственного органа.

Однако присвоение **вносимому в Думу** русскому тексту титула официального не означает его «лингвистической неприкосновенности». Разумеется, парламент не может внести в текст договора изменения, не соответствующие его аутентичным текстам. Но пос-

кольку договор становится частью российской правовой системы, законодательный орган России вправе проверить соответствие представленного ему русского текста подлинному тексту договора. Такое право прямо предусмотрено ст. 102 Регламента Государственной Думы и ст. 144 Регламента Совета Федерации, согласно которым комитеты палат парламента проводят **правовую и лингвистическую экспертизу** законопроектов. Но для этого необходимо, чтобы одновременно с русским вариантом палатам парламента были представлены копии всех имеющихся аутентичных текстов.

О том, что проведение **лингвистической экспертизы** и устранение — еще до принятия решения о ратификации — обнаруженных в них недочетов необходимы, говорят следующие примеры, перечень которых, наверное, не является исчерпывающим.

В русском тексте ч. 2 ст. 2 Протокола № 4 к Европейской конвенции о защите прав человека говорится: «Каждый **имеет право** покидать любую страну, включая свою собственную». Между тем в аутентичных текстах Протокола употреблено гораздо более категоричное выражение: «toute personne **est libre**», «everyone **shall be free**». Смыслу аутентичных текстов Протокола намного ближе термины, употребленные в ч. 2 ст. 27 Конституции РФ («каждый может **свободно** выезжать», «гражданин РФ имеет право **беспрепятственно** возвращаться в РФ»), чем русский вариант Протокола, из которого исчезло понятие свободы, беспрепятственности выезда из любой страны, и тем самым он отдалился от смысла не только аутентичных текстов, но и от смысла Конституции РФ.

Неадекватность оригиналу некоторых русских текстов актов Совета Европы может привести к выводу о несоответствии этих актов Конституции РФ. Например, в русском тексте Европейской хартии местного самоуправления понятие, обозначаемое в английском и французском языках прилагательным «public» (публичный), в русском передано прилагательным «государственный», хотя в английском и французском языках смысл прилагательного «public» включает в себя одновременно такие понятия, как «государственный», «общественный», «муниципальный». Употребление в этом контексте русского термина «государственный» значительно сужает смысл аутентичных текстов Хартии местного самоуправления и создает впечатление, что согласно Хартии органы местного самоуправления якобы являются органами власти, функции которых состоят в управлении государственными делами (а в одном из вариантов издания Совета Европы — и в осуществлении государственных полномочий), включая тем самым органы местного самоуправления в число органов государственной власти[4]. Согласно же ст. 12 Конституции РФ, органы местного самоуправления в систему органов государственной власти не входят.

Если русский текст Хартии не будет уточнен, то согласно ст. 22 Закона РФ о международных договорах она не может быть ратифицирована до внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ, хотя на самом деле существует необходимость не изменения Конституции РФ, а всего лишь уточнения русского текста Хартии.

Необходимость **правовой экспертизы** вносимых на ратификацию актов Совета Европы подчеркивается тем обстоятельством, что представители РФ не участвовали в их подготовке и, естественно, не могли повлиять на их содержание, добиваясь соответствия европейских актов, с одной стороны, и Конституции и законов РФ — с другой. В этой связи представляется чрезвычайно важным заблаговременно иметь предусмотренные ст. 10 Закона о международных договорах заключения Министерства юстиции РФ о соответствии положений договора законодательству РФ, которые согласно смыслу ч. 4 ст. 16 Закона должны содержаться уже в предложении о ратификации.

Предметом правовой экспертизы может стать, например, оценка расхождений между положениями ст. 11 Европейской конвенции о защите прав человека и ст. 31 Конституции РФ. Пункт 1 ст. 11 Конвенции гласит, что «**каждый** имеет право на свободу мирных собраний». Статья 16 Конвенции разрешает вводить ограничения данного права для иностранцев, но только в тех пределах, которые касаются их **политической** деятельности. Статья 31 Конституции РФ определяет, что право собираться мирно (в том числе и по неполитическим поводам) принадлежит совсем не «каждому», а только «гражданам Российской Федерации».

Применение правил ст. 11 Европейской конвенции определенно требует поправки к ст. 31 Конституции РФ и, следовательно, согласно ст. 22 Закона о международных договорах ратификация договора возможна только после внесения такой поправки. Но эта почти тупиковая ситуация может быть преодолена либо путем заявления соответствующей оговорки при ратификации в Конституционный Суд РФ с просьбой дать толкование ст. 31 Конституции РФ в том смысле, что она не исключает использования в полном объеме предусмотренного этой статьей права иностранцами, проживающими в РФ.

Правовая экспертиза актов Совета Европы безусловно выявит, что российское законодательство не в полной мере соответствует стандартам Совета Европы. Но согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ все правила конвенций Совета Европы, в отношении которых не будет сделано оговорок при ратификации, должны будут применяться в России, если они не соответствуют правилам российского закона. Иными словами, в этом случае акт ратификации будет фактически означать запрет применения норм законодательства

РФ, расходящихся с нормами европейских конвенций. При этом необходимо иметь в виду, что Европейская конвенция по предупреждению пыток вообще не допускает никаких оговорок к ней (ст. 21), а Конвенция о защите прав человека (ст. 64) существенно ограничила их допустимость, исключив возможность оговорок общего характера и сведя частные оговорки лишь к указанию на то, что тот или иной закон государства не соответствует какому-либо конкретному положению Конвенции.

В этих условиях вопрос об уместности и целесообразности оговорок к вносимым на ратификацию конвенциям должен, очевидно, решаться в зависимости от того, что предпочтительнее — немедленное после вступления конвенций в силу для РФ прекращение применения российского закона или заявление оговорок, что, скорее всего, вызовет неблагоприятную реакцию общественно-политического мнения как внутри страны, так и за ее пределами.

В связи с возможностью оговорок к актам Совета Европы стоит отметить, что согласно ст. 19 и 23 Венской конвенции о праве международных договоров оговорки могут быть сделаны при ратификации, а оговорки, сделанные при подписании Конвенции, должны быть официально подтверждены при ратификации, то есть последнее слово по всем оговоркам принадлежит закону о ратификации.

После принятия и вступления в силу закона РФ о ратификации договора русский текст последнего становится окончательным и официальным уже для всех субъектов права Российской Федерации, для всех ее правоприменительных органов. В частности, только русский текст актов Совета Европы о защите прав человека может применяться в судах РФ, поскольку согласно ст. 10 Федерального конституционного закона о судебной системе РФ судопроизводство и делопроизводство в них ведется на русском языке.

Но «внутренняя» официализация русского текста еще не решает проблему признания его официальности на международном уровне: государствами—членами Совета Европы и Советом Европы как организацией. Эта проблема особенно остро стоит в применении к русским текстам Европейской конвенции о защите прав человека и протоколов к ней, поскольку на положениях именно этих актов будет основываться разбирательство всех жалоб, которые российские граждане смогут направлять в Европейский суд по правам человека. В этом смысле Европейская конвенция уникальна для России, ибо все другие договоры по защите прав человека, в которых она участвует, не предусматривают международной судебной процедуры их защиты. При этом следует иметь в виду, что, вступая в Совет Европы, Россия взяла на себя обязательство **при ратификации** Конвенции о защите прав человека и основных свобод признать в **законодательном порядке** право на подачу индиви-

дуальных жалоб согласно ст. 25 Конвенции и обязательную юрисдикцию Европейского суда в отношении вопросов, относящихся к толкованию и применению Конвенции согласно ст. 46 (п. 4 «в» Распоряжения Президента РФ от 13 февраля 1996 г., Резолюция Комитета министров Совета Европы 96 (2) от 8 февраля 1996 г. и пп. «i» п. 10 Заключения № 193 (1996) Парламентской ассамблеи Совета Европы). Это обязывает Российскую Федерацию в самом акте ратификации сделать соответствующее официальное заявление. В этих условиях отсутствие международно-признанного русского текста Конвенции в значительной степени затруднит реализацию прав российских граждан, предусмотренных Конвенцией, а также ослабит возможности РФ защищать свое толкование положений Конвенции.

Оптимальным решением этой проблемы было бы допускаемое в принципе Венской конвенцией о праве международных договоров (ч. 2 ст. 33) признание русского текста аутентичным наряду с английским и французским. Соответствующий прецедент имел место на практике. Чикагская конвенция о международной гражданской авиации 1944 года не предусматривала русского аутентичного текста. Но после присоединения к ней Советского Союза русский текст был признан аутентичным (в 1977 г.)[5]. Поэтому было бы вполне правомерно, если бы Дума одновременно с принятием закона о ратификации Конвенции о защите прав человека предложила в приемлемой форме Правительству поставить в Совете Европы вопрос о признании ее русского варианта аутентичным текстом.

По условиям Венской конвенции о праве международных договоров такое решение требует согласия участников Европейской конвенции (хотя в ней и не указывается, в какой форме это согласие может проявиться), что не так легко достижимо и во всяком случае потребует немало времени. Но это не исключает возможности определенной степени международного признания русского текста Конвенции и без придания ему свойств аутентичности.

Согласно п. «b» ст. 77 Венской конвенции о праве международных договоров подготовка текстов договора на языках, не являющихся языками аутентичных текстов, входит в функции депозитария договора[6]. Наряду с этим ст. 28 Закона о международных договорах РФ предусматривает, что официальные переводы международных договоров РФ поступают в МИД РФ от депозитария. При всей нечеткости приведенных положений как Венской конвенции, так и российского Закона из них все же можно заключить, что претендующие на официальный характер русские тексты договорных актов Совета Европы либо подготавливаются Генеральным секретарем Совета (депозитарием), либо, по крайней мере, согласовываются с ним, поскольку именно он их рассылает, а это

вряд ли было бы возможно, если бы он не был согласен с правильностью передачи ими аутентичного текста. Представляется наиболее целесообразным, чтобы окончательное согласование русского текста проводилось по завершении его правовой и лингвистической экспертизы в комитетах палат парламента России, поскольку после принятия закона о ратификации вносить изменения (даже чисто лингвистические) в ратифицированный текст будет уже весьма сложно.

Такое решение позволит иметь русский текст, признаваемый официальным и окончательным и Россией, и Советом Европы как организацией, но толкуемый и применяемый в свете содержания аутентичных текстов. Но при этом обязательно следует учитывать, что согласно п. «b» ч. 2 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров для целей толкования договора может быть использован любой документ, составленный одним участником в связи с заключением договора и принятый другими участниками в качестве документа, относящегося к договору. К такого рода документам вполне может быть отнесен не являющийся аутентичным, но согласованный русский текст договора.

Заключительной стадией процесса вступления ратифицированного международного договора в силу для Российской Федерации является официальное опубликование как закона о ратификации, так и текста самого договора. Согласно ст. 3 Закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания», ратифицированные международные договоры РФ должны публиковаться одновременно с законами об их ратификации. Довольно быстро обнаружилась определенная некорректность такой процедуры. Дело в том, что договор, опубликованный одновременно с законом о ратификации, вступает в силу для РФ, как правило, не в момент публикации, а гораздо позднее. Однако одновременная официальная публикация договора и закона неизбежно создает впечатление, что договор уже с этого времени подлежит исполнению государственными органами и гражданами России.

В этой связи Президент РФ 28 февраля 1995 г. внес в Государственную Думу законопроект об изменениях и дополнениях Закона о порядке опубликования законов, в котором предусматривалось разведение по времени официальной публикации закона о ратификации международного договора РФ и текста самого договора и установление для публикации договоров того же порядка, который существует для публикации законов. 21 июня того же года законопроект был принят Государственной Думой в первом чтении, но разумные поправки к Закону об опубликовании так до сих пор и не приняты.

Сожаление это вызывает еще и потому, что законопроект затронул вопрос, обойденный молчанием как в Законе о международных договорах, так и в Законе о порядке опубликования законов, а именно вопрос об официальной публикации международных договоров, не имеющих аутентичного текста на русском языке. Правда, предлагаемая в законопроекте формула — публикация на языке одного из аутентичных текстов с официальным переводом на русский язык — представляется не очень удачной. Во-первых, как уже говорилось ранее, официально публиковаться в России должен не перевод договора на русский язык, а русский текст договора, признанный официальным не только на российском, но и на международном уровне. Во-вторых, публикация аутентичных текстов имеет практической целью обеспечить возможность наиболее адекватного толкования и уяснения смысла русского текста российским правоприменителем, для чего необходимо использование всех аутентичных текстов, а не одного из них. Очевидно, что такая потребность будет возникать довольно редко и у довольно узкого круга граждан и должностных лиц. Поэтому можно было бы предусмотреть официальную публикацию аутентичных текстов на иностранных языках не в Собрании законодательства РФ, а в каком-либо специализированном издании (например, в Бюллетене международных договоров).

Из-за отсутствия четкой регламентации порядка публикации вступивших в силу для РФ международных договоров происходят такие странные вещи, как, например, отсутствие официальной публикации в Собрании законодательства РФ или в Бюллетене международных договоров Устава Совета Европы, хотя со времени его вступления в силу для РФ прошло уже более года. Это явно нарушает ст. 30 Закона о международных договорах, а если подобное случится с конвенциями Совета Европы, касающимися прав человека, то в силу ч. 3 ст. 15 Конституции РФ они не смогут быть применяемы в России.

Из всего изложенного выше следует, что Закон о международных договорах не регулирует важные аспекты процесса ратификации международных договоров РФ, в особенности тех из них, которые не имеют аутентичного текста на русском языке. Для устранения пробелов и внесения необходимых уточнений представляется целесообразным внести в Закон изменения и дополнения, которые, возможно, могли бы иметь следующее содержание:

1. Начало первой фразы ч. 4 ст. 16 Закона сформулировать следующим образом:

«4. Предложение о ратификации международного договора должно содержать заверенные копии аутентичного текста междуна-

родного договора на русском языке, а также аутентичных текстов на других языках... (*далее по тексту*)».

2. Дополнить ст. 16 Закона ч. 6:

«6. При внесении международного договора Российской Федерации на ратификацию в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в порядке, предусмотренном частью 1 настоящей статьи, Государственной Думе должен представляться проект закона о ратификации, содержащий в случае необходимости текст оговорок, интерпретирующих и иных заявлений, подлежащих принятию при ратификации, а также все документы и материалы, упомянутые в статье 10 и части 4 статьи 16 настоящего Закона».

3. Дополнить Закон новой ст. 16.1:

«**Статья 16.1.** Порядок ратификации международных договоров Российской Федерации, аутентичные тексты которых составлены на иностранных языках.

1. Текстом международного договора, указанным в части 4 статьи 16 настоящего Закона, аутентичные тексты которого составлены на иностранных языках, является перевод его на русский язык, выполненный с аутентичных текстов под ответственностью органа государственной власти, представляющего в соответствии с частью 2 статьи 16 настоящего Закона предложение о его внесении на ратификацию и заверенный высшим должностным лицом этого органа.

2. Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации может своим постановлением внести изменения в текст, указанный в части 1 настоящей статьи, если проведенная в Государственной Думе правовая и лингвистическая экспертиза обнаружит в нем искажения смысла аутентичных текстов договора.

3. Окончательным русским текстом международного договора, аутентичные тексты которого составлены на иностранных языках, является текст, содержащий изменения, если они имеются, указанные в части 2 настоящей статьи, и согласованный Министерством иностранных дел РФ с депозитарием международного договора. Окончательный русский текст международного договора прилагается к проекту закона о ратификации до его постановки на голосование Государственной Думы и после вступления договора в силу для Российской Федерации рассматривается как неотъемлемая часть закона о его ратификации».

4. Начало ч. 1 ст. 30 Закона сформулировать следующим образом:

«1. Тексты на русском языке всех вступивших в силу для Российской Федерации международных договоров... (*далее по тексту*)».

5. Дополнить ч. 1 ст. 30 Закона следующей фразой:

«Аутентичные тексты указанных договоров, составленных только на иностранных языках, подлежат официальному опубликованию по представлению Министерства иностранных дел Российской Федерации в Бюллетене международных договоров».

---

[1] Закон о международных договорах РФ в ст. 20 и 21 предусматривает, что утверждение, принятие и присоединение к указанным в Законе категориям договоров (ст. 20, 21) производятся в форме федерального закона в порядке, установленном для ратификации. Поэтому все, что в настоящем реферате говорится о ратификации, целиком относится и к утверждению, принятию и присоединению.

[2] Поскольку текст договора ipso facto всегда официален, а неофициальный текст — это текст не договора, то прилагательное «официальный» к слову «текст» совершенно излишне и может быть опущено без всякого ущерба для смысла Закона.

[3] См. *Талалаев А.Н.* Право международных договоров. — М., 1985. — С. 105—111.

[4] В последнем по времени варианте перевода англо-французский термин «public» в п. 3 ст. 4 Хартии передан совершенно правильно не как «государственная», а как «публичная», но почему-то термин «responsibilities» (responsabilites) переведен как «власть», хотя в английском и французском текстах речь идет не о власти (authority, autorite), а о «полномочиях».

[5] См. *Колосов Ю.М.*//Советский ежегодник международного права. — 1971. — С. 248; *Талалаев А.Н.* Право международных договоров. — М., 1985. — С. 107.

[6] Это правило применяется и на практике. Так, русские тексты всех конвенций МОТ, аутентичными текстами которых являются только английский и французский, подготовлены и официально изданы самой Организацией. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года имеет аутентичные тексты на четырех языках и предусматривает, что переводы на четыре других официальных языка обеспечиваются ЮНЕСКО, являющейся депозитарием Конвенции. Европейское, но принятое в рамках МОТ соглашение о предоставлении медицинского обслуживания лицам, временно пребывающим на территории другой страны, 1980 года имеет тексты на четырех языках (включая русский), оригиналы которых депонированы в Международном бюро труда, но аутентичными из них являются только английский и французский.

Статья получена редакцией в марте 1997 г.